

Глава 29. В ловушке

Цзинь Линьэр чувствовал, как тело Чжу Хуаня стремительно остывает, и его собственную душу обдало ледяным дыханием смерти. В исступлении он бросился обратно к Обители Скопленных облаков, ворвался внутрь, распахнув настежь двери, и без сил повалился на пол, хрипло и тяжело дыша.

Увидев, что даосское одеяние Цзинь Линьэра залито кровью, Сунь Цинфэн выронил глиняную пиалу — та с тихим звоном разлетелась на мелкие осколки. В два шага он оказался рядом, подхватил названного брата на руки, перенёс на кровать и тревожно спросил:

— Ты ранен?

Сунь Цинфэн в бешенстве стал похож на разъярённого зверя, глаза его налились кровью.

Цзинь Линьэр, безудержно дрожа всем телом, лишь отрешённо покачал головой.

Сунь Цинфэн быстро ощупал его, убеждаясь, что ран нет, а виной всему — сильнейшее потрясение. Положив тяжёлые ладони на плечи юноши, он слегка сжал их, помогая унять дрожь и прийти в себя.

— Что стряслось? — спросил он. — Расскажи мне. Что бы ни случилось, твой старший брат со всем разберётся.

Встретившись с ним взглядом, Цзинь Линьэр наконец с трудом обрёл дар речи:

— Чжу Хуань... он мёртв.

Сунь Цинфэн проявил редкое для него терпение:

— Рассказывай по порядку, не спеши.

— Ты вырезал восемь бамбуковых стрел, — глухо заговорил Цзинь Линьэр. — Когда я погнался за зайцем, то взял с собой три. Две выпустил по дороге, а последнюю — когда зверёк затаился в расщелине между камнями. Я промахнулся, все три были израсходованы... Но в груди Чжу Хуаня, прямо в сердце, торчит именно моя стрела!

— Тебя подставили, — коротко отрезал Сунь Цинфэн.

— Подставили? Меня?

— Не нужно было отпускать тебя одного. Должно быть, этот ублюдок шёл по твоему следу с самого мгновения, как мы разделились, и подбирал брошенные стрелы.

— Он хотел убрать меня? Пытался заставить выдать Золотую печать?

— Вряд ли, — покачал головой Сунь Цинфэн. — Если бы целью был ты, смерть Чжу Хуаня лишь усложнила бы ему задачу. У этого подлеца всё просчитано до мелочей. Скорее всего, зная о вашей взаимной неприязни, он заранее спланировал эту ловушку: выманил Чжу Хуаня на гору, убил, а вину свалил на тебя.

— Но здесь что-то не сходится, — нахмурился Цзинь Линьэр. — Брат, этот человек может прятаться где-то поблизости. Он знал, что ты выстрелит стрелы, но откуда ему было знать, что я отправлюсь на охоту в одиночку?

Сунь Цинфэн на мгновение задумался, прищулив глаза.

— Даже если бы ты не взял лук, он всё равно расправился бы с Чжу Хуанем, а потом заманил тебя к телу. Вероятно, он просто наткнулся на твои стрелы по пути и решил разыграть эту карту, изменив план на ходу.

— Чжу Хуань перед смертью сказал, что видел меня во сне.

— Что это значит?

— Он уже едва хрипел, но из последних сил пытался выведать, не демон ли я. Когда я открылся ему, он признался... Он не стремился изводить меня просто так. Оказывается, ему снились сны. В них он видел моё лицо. И там я творил нечто ужасное, что оскверняло его разум и подтачивало даосскую веру.

— Его разумом управляли с помощью тёмного колдовства, — помрачнел Сунь Цинфэн.

— Из-за этих кошмаров он и уверился, будто я злой дух, который пытается его совратить. Оттого и ненавидел меня... Но всё это звучит слишком безумно.

Сунь Цинфэн понимал, что за этой историей скрывается чей-то зловеющий замысел, однако времени на размышления не осталось. Снаружи нарастал гул. Он быстро достал Талисманы призрачного рождения и прикрепил один на грудь Цзинь Линьэру, а второй — себе.

Едва они успели принять чужой облик, как со стороны горной тропы донёсся резкий, надрывный звон сигнальных колокольчиков.

Сунь Цинфэн распахнул дверь. Сквозь вечерний сумрак к Обители Скопленных облаков

спешили старейшины школы Хуашань, ведя за собой добрых три десятка учеников.

Сунь Цинфэн перехватил верный меч, наполовину выдвинув клинок из ножен. Подойдя к Цзинь Линьэру, он присел перед ним на корточки и негромко произнёс:

— Не бойся. С тобой ничего не случится.

Цзинь Линьэр крепко вцепился в его рукав:

— Брат, умоляю, не проливай кровь.

Сунь Цинфэн испытал нелёгкую внутреннюю борьбу. Спустя мгновение он с тихим щелчком вернул клинок в ножны и скупое усмехнулся:

— Вечно бегать — тоже не выход. Если удастся объясниться — ладно. Если нет... Что ж, посчитаем это возможностью выманить змею из норы и схватить за руку того, кто прячется в тени. Твой брат с тобой. Не бойся.

У дверей Обители Скопленных облаков, выстроившись полукругом, стояли трое старейшин в окружении десятка надзирателей из карательной коллегии, а рядом с ними — Чжоу Синъюнь с личными учениками главы школы. Всполохи факелов выхватывали из темноты обнажённое оружие; все они замерли в напряжении, будто готовились к схватке с грозным врагом.

Цзинь Линьэр, по-прежнему сжимая ладонь Сунь Цинфэна, шагнул за порог. Поклонившись по всем правилам вежливости, он спокойно спросил, чем вызван столь поздний визит.

Как оказалось, у Чжу Хуаня был земляк и близкий друг по имени Сунь Чжаньмин. Они договорились встретиться на вечернюю тренировку, однако Чжу Хуань так и не явился. Зная, что тот собирался подняться к Обители Скопленных облаков, дабы «выяснить у Сюэ Няньлана одну вещь», Сунь Чжаньмин не на шутку встревожился. Преодолев страх перед запретной горой, он отправился на поиски и посреди дороги наткнулся на бездыханное тело друга.

Опасаясь, что Чжоу Синъюнь из личной симпатии станет покрывать Сюэ Няньлана, Сунь Чжаньмин сразу бросился к старейшинам карательной коллегии, и те немедленно подняли людей.

В неровном свете факелов Сунь Чжаньмин разглядел багровые пятна на одежде Цзинь Линьэра и, указав на него дрожащим пальцем, выкрикнул:

— Сюэ Няньлан! Так это всё-таки твоих рук дело! Ты убил младшего брата Чжу!

Старейшина карательной коллегии Чжан Цинсюань сурово оборвал его:

— Помолчи! Пока истина не установлена, негоже бросаться обвинениями. — Повернувшись к Сунь Чжаньмину, он спросил: — Ты первым обнаружил тело. На каком основании ты утверждаешь, что убийца — именно Сюэ Няньлан?

— Старейшина, мы с покойным были близки как братья! — горячо заговорил Сунь Чжаньмин. — Он давно приметил, что Сюэ Няньлан и его брат ведут себя крайне подозрительно. Он подозревал, что они — оборотни под человеческой личиной, и даже подрался с Няньланом в Павильоне Вопросания Дао. Старший брат Чжоу прекрасно знает обо всём, просто у нас тогда не было неопровержимых улик!

Чжан Цинсюань нахмурился и обратился к стоявшему рядом юноше:

— Синьюнь, это правда?

Чжоу Синьюнь после недолгого колебания кивнул:

— Да, старейшина. Всё именно так.

— К чему тогда были сомнения? — прищурился старейшина.

— Слова младшего брата Чжу не подкреплялись ничем, кроме его собственных догадок, поэтому я не смел придавать им значения, — мягко пояснил Чжоу Синьюнь. — Во-первых, Чжу Хуань происходил из знатного рода и обладал незаурядным талантом. Они с Сюэ Няньланом вступили в орден в один день, однако Няньлана взял в прямые ученики сам глава школы, тогда как Чжу Хуань остался обделённым. Разумеется, в его сердце могла затаиться обида. Во-вторых, братья Сюэ выросли в бедности, их привычки чужды отпрыскам благородных семейств, так что взаимная неприязнь между ними — дело обычное. В-третьих, к югу от Байхая демонов и нечисти не видели уже очень давно. Я пытался вразумить Чжу Хуаня, но он проявил излишнее упрямство.

— Старший брат Чжоу просто выгораживает этого проходимца! — выкрикнул Сунь Чжаньмин. — Сюэ Няньлан наверняка одурманил твой разум чарами! Чжу Хуань признавался мне, что после той стычки ему каждую ночь снился этот мерзавец. Во снах Няньлан пил человеческую кровь, совершал жуткие тёмные ритуалы, срывал с себя кожу, обнажая истинный облик чудовища... и даже предавался непотребствам, лишая моего несчастного друга душевного покоя и чистоты помыслов!

Сунь Цинфэн, который до этого момента ни в грош не ставил хуашаньцев и молча стоял в стороне, скрестив руки на груди, при упоминании «непотребств» почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Ему показалось, что эти слова пачкают имя Цзинь Линьэра.

Насупившись, он холодно обронил:

— Всё, что ты сейчас наговорил, доказывает лишь одно: разум твоего друга был полон грязных помыслов. При чём здесь мой младший брат?

Сунь Чжаньмин поперхнулся от возмущения, не зная, что возразить, но тут же выпалил:

— На горе вспыхнул мор среди скотины! Лишившись свежей крови животных, вы, разумеется, переключились на людей! Младший брат Чжу заподозрил неладное и уже отправил послание в Бюро по поимке демонов Куньлуня. Их ищейки прибудут со дня на день! Вы пронюхали об этом и решили убрать свидетеля, отомстив ему!

Упоминание грозного Бюро ничуть не испугало Цзинь Линьэра. Сохраняя абсолютное спокойствие, он спросил:

— Старший брат Сунь, известно ли тебе, зачем именно Чжу Хуань поднимался ко мне в Обитель?

— Откуда мне знать! Он лишь обмолвился, что должен «спросить у тебя об одном деле». Но если ты владеешь колдовством, тебе не составило бы труда одурманить его разум, завлечь на кручу и хладнокровно прикончить!

— Если бы я действительно задумал его убить, — мягко возразил Цзинь Линьэр, — зачем мне было заманивать его к дверям собственного жилища, а не к твоей, например, пещере? Свалить вину на тебя было бы куда разумнее, нежели навлекать подозрения на себя.

Внезапная смерть Чжу Хуаня потрясла юношу лишь потому, что он не выносил бессмысленной гибели живого существа. Это вовсе не означало, что он слаб духом или труслив. Напротив, за свою недолгую жизнь он повидал на своём веку столько крови и смертей, сколько здешним праведным даосам и присниться не могло в самых жутких кошмарах.

Сунь Цинфэн ободряюще сжал его плечо, одарив тёплым взглядом, безмолвно призывая держать себя в руках.

Сунь Чжаньмин растерялся, но, не желая уступать, упрямо буркнул:

— Откуда мне знать, что творится в твоей голове? Может, он разгневал тебя, и в тебе проснулась жажда крови! Чтобы скрыть злодеяние, ты выманил его повыше в горы, но не ожидал, что я обнаружу пропажу так быстро!

— Брат Сунь, не говори глупостей, — покачал головой Цзинь Линьэр. — Если бы мне действительно была нужна его кровь, зачем бы я бросил тело нетронутым? Я случайно наткнулся на него в ущелье, испугался и бросился назад в Обитель. Если вы осмотрите тело брата Чжу, то сами поймёте, что я говорю правду.

Сунь Чжаньмин в глубине души понимал, что слова юноши звучат разумно. Однако именно он поднял на ноги старейшин и созвал всю братию. Если сейчас признать ошибку, кем он покажется в глазах соучеников? Что подумает Сюэ Няньлан и его свирепый на вид старший брат? Сунь Чжаньмин оказался заложником собственной поспешности: отступить было поздно, оставалось лишь стоять на своём до конца.

В этот момент к старейшинам подбежал один из младших учеников и доложил, что тело Чжу Хуаня уже перенесли в Карательную палату, а тропу от Обители Скопленных облаков до места его гибели тщательно осмотрели.

Чжан Цинсюань властным окриком прекратил спор и приказал увести подозреваемых вниз, к подножию пика.

Карательная палата

Ближе к полуночи просторные залы Карательной палаты залил яркий свет светильников.

Тело Чжу Хуаня, уложенное на деревянный помост, покоилось в самом центре главного зала.

Гибель ученика прямо в границах ордена Хуашань была неслыханным событием, требовавшим самого тщательного разбирательства. Великий глава Сюэ Чжэньян пребывал в уединении, поэтому судейские кресла заняли четверо старейшин — все, кто на тот момент не находился в закрытой медитации.

Цзинь Линьэр и Сунь Цинфэн стояли посреди зала. На невысоком столике перед ними лежали вещественные доказательства, найденные карательными отрядами при обыске: обломок бамбуковой стрелы, выточенной руками Сунь Цинфэна, и простой глиняный сосуд.

Чжан Цинсюань, успевший сопоставить слова Цзинь Линьэра и Сунь Чжаньмина, понимал, что в деле слишком много тёмных пятен. Он жестом велел обвиняемому изложить свою версию случившегося.

Юноша, чья совесть была чиста, без утайки рассказал всё как было.

— Начнём со стрел, — заговорил Чжан Цинсюань. — Сюэ Няньлан, ты утверждаешь, что взял на охоту три бамбуковые стрелы. Куда именно ты их выпустил?

— Когда мы с братом разделились у ручья, я пробежал шагов тридцать и пустил первую стрелу вправо — она вонзилась в ствол сосны, — спокойно ответил Цзинь Линьэр. — Пройдя ещё десяток шагов, я выстрелил во второй раз: она ударилась о валун в половину человеческого роста, отскочила и затерялась в высокой траве. Третья ушла мимо цели и глубоко увязла в

земле.

Вперед выступил Чу Жои, старший ученик Чжан Цинсюаня, руководивший ночными поисками:

— Учитель, наши люди действительно обнаружили две стрелы — одну в земле, другую в древесной коре. Однако в траве у валуна третьей не оказалось.

Чжан Цинсюань задумчиво кивнул и перевёл взор на старшего брата:

— Сюэ Фэн, куда ушли твои стрелы?

— Подбил фазана, — небрежно бросил Сунь Цинфэн. — Одной хватило.

Чу Жои подтвердил:

— В колчане подозреваемого осталось четыре стрелы. Наконечник одной из них влажный, со следами бурой крови. Запах птичий, не человеческий.

— Значит, загвоздка в пропавшей стреле, — подытожил старейшина Чжан. — Чжаньмин, возьми людей из дозора и оцепи место происшествия. С первыми лучами солнца тщательно осмотрите тот валун. Вы должны проверить, остался ли на камне след от удара наконечника Сюэ Няньлана.

Чу Жои склонился в поклоне и отдал необходимые распоряжения младшим ученикам. Затем он указал на второй предмет:

— Учитель, эту глиняную пиалу мы нашли на кухне Обитали Скопленных облаков.

— Обычная глиняная посуда, — пожал плечами Чжан Цинсюань. — Что в ней странного?

— Пища на нашей горе проста и скудна, а чаши легко отмыть до чиста, — пояснил Чу Жои. — Однако глина этого сосуда, изначально светлая, изнутри потемнела и приобрела стойкий медный запах. Я предположил, что в ней держали свежую кровь. Когда мы залили чашу смесью крепкого уксуса и вина, сквозь пористые стенки действительно проступила сукровица.

Сунь Цинфэн презрительно усмехнулся:

— Когда забиваешь птицу, глупо выливать кровь на землю, её собирают для похлёбки. Мой младший брат слаб здоровьем. Почтенные даосы считают потроха и кровь «нечистой пищей», но я тайком забирал эти остатки, чтобы побаловать брата. Чжу Хуань застал меня за этим делом. Он вырос в неге и богатстве, откуда ему знать цену еде? Вот и брезговал нами, считая

дикарями.

Цзинь Линьэр поспешно добавил:

— Брат заботится обо мне. Ему просто было жаль выбрасывать добро, вот он и уносил потроха домой. Я знаю, что мы нарушили правила ордена, и обещаю, что это больше не повторится. Прошу вас, старейшина, не наказывайте моего брата!

Сунь Чжаньмин, почуяв, что чаша весов склоняется не в его пользу, отбросил приличия и сердито выкрикнул:

— Сюэ Няньлан, ты ещё во время вступительного испытания одурманил разум старейшин своими колдовскими штучками! С твоими жалкими способностями ты не то что прямым учеником главы стать — в простые послушники не прошёл бы! Младший брат Чжу погиб прямо у твоих ворот, и тебе вовек не отмыться от подозрений!

— Откуда в тебе столько уверенности, брат Сунь? — сокрушённо вздохнул Цзинь Линьэр. — Неужели тебе ведомо то, чего не знаю я? Какая у меня могла быть причина лишать его жизни?

— В Павильоне Вопросания Дао он прилюдно унизил тебя! Ты затаил злобу!

— Брат Чжу столкнул меня в заброшенный колодец, едва не лишив жизни, — тихо ответил юноша. — Я знаю, что обделён талантом, и моё нынешнее положение — лишь счастливая случайность, так что обиды на него я никогда не держал. О мёртвых не говорят дурно, но если уж на то пошло, именно он пытался меня убить. Я же раз за разом отступал и терпел его выходки, чему свидетелями были многие братья.

— Твой язык подвешен на зависть многим, — сквозь зубы процедил Сунь Чжаньмин. — Пусть старейшины рассудят нас!

— Виновного определяют по уликам и словам свидетелей, а не по громким крикам, — лениво бросил Сунь Цинфэн. — Если старейшина Чжан сейчас назовёт убийцей тебя, ты послушно склонишь голову и примешь кару?

Цзинь Линьэр мягко коснулся ладони брата, беззвучно прося его умерить пыл, и повернулся к обвинителю:

— Брат Сунь, Чжу Хуаня пронзила бамбуковая стрела, выструганная моим братом. Это правда. Но она сама по себе не указывает на того, кто натянул тетиву. Ты один нашёл тело посреди глухой тропы. Как ты докажешь, что не подобрал её и сам не нанёс этот удар?

Сунь Чжаньмин едва не подпрыгнул на месте от ярости:

— Как ты смеешь возводить на меня напраслину?!

Цзинь Линьэр сделал шаг вперёд и почтительно склонился перед судейским столом:

— Почтенные старейшины, каждое моё слово — чистая правда. Чтобы отвести от себя подозрения, я мог бы заявить, будто брат Чжу погиб уже после появления Сунь Чжаньмина. Но я не стану лгать и клеветать на невиновного. Чжу Хуань испустил дух почти на моих глазах, но нас разделяли огромные валуны. Я не видел его в момент выстрела и не знаю, кто спустил тетиву. Прошу вас, явите свою мудрость и докопайтесь до истины.

— Чжу Хуань успел что-нибудь сказать перед смертью? — спросил Чжан Цинсюань, поглаживая бороду.

Цзинь Линьэр мысленно вернулся к тем страшным минутам. Сначала Чжу Хуань был твёрдо уверен, что перед ним чудовище, затем, узнав правду, застыл в безмолвном потрясении, а после стал задыхаться, теряя рассудок, и лишь дважды успел прохрипеть «старший брат», прежде чем затихнуть навек.

Юноша покачал головой:

— Стрела пробила ему грудь навылет, он скончался почти мгновенно. Из его уст вырвалось лишь несколько бессвязных слов.

Старейшины недолго посовещались между собой. Не имея прямых улик, указывающих на конкретного виновника, они постановили доложить о происшествии главе школы, поручив дальнейшее расследование Чжан Цинсюаню.

Пока истина не прояснилась, Цзинь Линьэр и Сунь Цинфэн оставались под главным подозрением. На время следствия их определили под домашний арест в боковом приделе Карательной палаты под бдительным присмотром стражи.

Чу Жои подошёл к Сунь Цинфэну и жестом попросил сдать оружие.

Но тот даже не удостоил его взглядом. Он лишь крепче прижал ножны к груди, холодно бросив:

— Мой меч не предназначен для чужих рук.

Чжоу Синъюнь поспешил вмешаться, дабы не допустить кровопролития:

— Брат Сюэ, прошу тебя, умири гнев. Я верю в вашу невиновность и прошу довериться Карательной палате. Стоит им осмотреть тот валун, и все обвинения с Няньлана будут сняты.

Завтра же на рассвете я пойду просить учителя прервать медитацию и рассудить это дело.

Цзинь Линьэр мягко коснулся руки великого воина:

— Брат, мы ведь договорились.

Вспомнив их давешний уговор о том, что добровольное заключение поможет притупить бдительность таинственного врага и выманить змею из норы, Сунь Цинфэн тихо хмыкнул. Он без лишних слов отвязал ножны и передал клинок Цзинь Линьэру, а тот вручил его страже.

На следующий день

Ночь прошла на удивление спокойно, и вскоре наступил полдень следующего дня.

Обвиняемых вновь ввели в главный зал Карательной палаты.

Здесь собрались те же лица, что и накануне. Великий глава Сюэ Чжэнъян так и не явился, а лица восседавших в креслах старейшин казались мрачнее тучи. Чжан Цинсюань и вовсе выглядел осунувшимся, он был в ярости.

За стенами палат ласково играло весеннее солнце, но под высокими сводами зала царило ледяное безмолвие.

Сунь Цинфэн, обделённый терпением, заговорил первым:

— Ну что, разобрались?

Чу Жои по знаку учителя выступил вперёд:

— Усилиями наших братьев за ночь удалось прояснить две вещи. Во-первых, слова Сюэ Няньлана подтвердились. На полпути от Обители до места гибели Чжу Хуаня действительно высится валун со свежими следами от удара бамбукового наконечника.

— Вот и славно, — хмыкнул Сунь Цинфэн, поворачиваясь к выходу. — Мы пошли.

— Пойдите! — оборвал его Чу Жои.

Сунь Цинфэн замер и медленно обернулся, впериw в юношу колющий взгляд:

— Что ещё?

— Чжу Хуань погиб вовсе не от ранения в грудь, — твёрдо произнёс Чу Жои. — Трупный яд проступил на его лице, кровь сочилась из глаз, ноздрей и ушей, а под кожей у сердца скопился тёмный застойный сгусток. Всё это указывает на то, что несчастный был отравлен задолго до того, как его пронзила стрела. И нам удалось обнаружить вещь, на которую был нанесён этот смертоносный яд.

— Брат Чжу умер от яда? — потрясённо переспросил Цзинь Линьэр.

Лишь теперь до него дошло: ужасающий вид мертвеца не имел отношения к ранению. Стрела в груди была лишь ширмой, призванной подставить его самого. Настоящий убийца метил в Цзинь Линьэра, используя жизнь Чжу Хуаня как разменную монету.

— Время не ждало, и за эту бессонную ночь мы успели доподлинно установить лишь эти факты, — продолжал Чу Жои.

— Вы проделали достойную работу, — одобрительно кивнул старейшина Чжан.

— Благодарю, учитель. Однако у меня остаются ещё два невыясненных обстоятельства. Во-первых, на размякшей от росы почве возле того самого валуна мы обнаружили чужие следы. Отпечатки были крупными, и по размеру они очень напоминали обувь Сюэ Фэна. Я бы хотел провести повторное сравнение для полной уверенности.

С этими словами он велел помощникам принести деревянный лоток, наполненный сырой глиной.

В душе Сунь Цинфэна зашевелилось смутное беспокойство. Ему казалось, будто чей-то липкий, торжествующий взгляд следит за каждым его движением из глубин тёмного угла, завлекая в искусно расставленные сети.

Но раз Чжу Хуаня убил яд, то история со стрелой теряла всякий смысл. К тому же великий воин знал, что и близко не подходил к злополучной тропе, а значит, следы на земле никак не могли принадлежать ему. Полагаясь на свою правоту, Сунь Цинфэн уверенно шагнул вперёд и оставил чёткий след на податливой глине.

Чу Жои велел унести лоток в сторону, чтобы сличить новый оттиск с гипсовым слепком, принесённым с горы.

— Во-вторых, — заговорил вновь Чу Жои, — смертоносный яд, унёсший жизнь нашего брата, обнаружился на нефритовой пряжке его налобной повязки-тайцзи. Как утверждает Сунь Чжаньмин, Чжу Хуань недавно терял её, но позже нашёл в Павильоне Вопросания Дао. Раз вещь нашлась в столь людном месте, велика вероятность, что кто-то видел, как она там

оказалась.

Цзинь Линьэр и Сунь Цинфэн обменялись быстрыми взглядами. Петля затягивалась. Ловушка действительно готовилась давно. Но если яд находился на повязке Чжу Хуаня, почему ни сам Цзинь Линьэр, ни его брат, прикасавшиеся к покойному, не пострадали? Ответ был очевиден: отраву нанесли совсем недавно, незадолго до трагедии.

Чжан Цинсюань, чей наметанный взгляд не упускал ни единой мелочи, уловил мгновенную перемену в лице Чжоу Синъюня.

— Синъюнь, тебе есть что добавить? — спросил он со всей строгостью.

Чжоу Синъюнь медленно повернул голову к Цзинь Линьэру, явно колеблясь.

Цзинь Линьэр вздрогнул. Ему стало кристально ясно: тот случай, когда он тайком подложил оброненную повязку под молитвенный коврик Чжу Хуаня, не укрылся от взора Чжоу Синъюня.

Конечно, никакого яда на шёлке тогда не было и в помине. Промолчи сейчас Чжоу Синъюнь, и тучи над головой юноши частично рассеялись бы, избавив всех от лишних расспросов. Однако благородный и сострадательный Синъюнь, вынужденный скрывать правду ради спасения младшего брата, обрёл бы себя на вечные муки совести.

Цзинь Линьэр всегда следовал древней мудрости: «Лишь тот, кто преисполнен истинной искренности, способен познать свою природу; познав же собственную природу, он познает и природу других людей». Он считал безупречную честность и открытость первейшими добродетелями благородного мужа.

Он знал, что Чжоу Синъюнь — человек чести. И если тот решится солгать ради спасения друга, душевная боль от этого предательства собственной совести ранит его сильнее, чем несправедливое обвинение — самого Цзинь Линьэра.

Чжоу Синъюнь долго собирался с духом, а затем тихо, обречённо вздохнул:

— Мы обычно тренируемся все вместе, и в Павильоне Вопросания Дао всегдалюдно. Однако я действительно ви...

— Почтенный старейшина! — звонко перебил его Цзинь Линьэр, избавляя Чжоу Синъюня от мучительного выбора между долгом чести и верностью дружбе. — Повязку брата Чжу я нашёл возле своей Обители. В тот день он всё ещё злился на меня, и я, не желая новой ссоры, просто улучил минуту, когда в Павильоне никого не было, и тихонько оставил вещь под его ковриком для медитаций.

Признание это прозвучало на редкость неубедительно, и Цзинь Линьэр сам это понимал.

Он отдавал себе отчёт в том, насколько глупо поступает, но не мог пойти против собственной совести. Юноша твёрдо верил: правда рано или поздно восторжествует, а минутный позор — лишь прах под ногами. Но если он сейчас поступится принципами и опустится до лжи, этот грех чёрным клеймом ляжет на его душу до конца дней.

Дело было не в том, что Цзинь Линьэру было безразлично чужое мнение или собственное доброе имя. Просто он помнил слова Сюэ Чжэнъяна: пятьдесят лет человеческого века перед лицом вечного неба — лишь мимолётная искра. Куда важнее на исходе пути, оглянувшись назад, узреть пышное весеннее цветение и ясный лик луны в небесах, зная, что шёл дорогой правды с открытым взором.

Он украдкой скосил глаза на Сунь Цинфэна, ожидая увидеть на его лице привычную суровость и досаду от своей излишней мягкости. Однако старший брат уже смотрел на него.

Иных чувств в его взоре Цзинь Линьэр не прочёл — там светились лишь искреннее одобрение и глубокое уважение.

Сунь Цинфэн едва заметно качнул головой и беззвучно, одними губами, произнёс: «Глава культа».

Поняв беззлобную иронию брата, Цзинь Линьэр слабо улыбнулся, но тут же осёкся: один из судебных приставов, закончив сверку оттисков на лотках, громко объявил:

— Следы полностью совпадают. Отпечаток у валуна принадлежит Сюэ Фэну!

Цзинь Линьэр побледнел:

— Что?! Это невозможно!

Сунь Чжаньмин выскочил вперёд и, брызжа слюной, ткнул пальцем прямо в лицо юноше:

— Что теперь скажешь?! Сюэ Няньлан отравил моего названного брата, а его сообщник Сюэ Фэн решил прикрыть злодеяние стрелой! Вы двое... даже если вы не демоны из преисподней, вы куда хуже любой нечисти! Что вам сделал бедняга Чжу, за что вы так жестоко лишили его жизни?!

В ту же секунду Сунь Цинфэн пришёл в ярость. Его окутало такое леденящее облако первобытной жажды убийства, что воздух в зале, казалось, мгновенно сгустился:

— Это не мои следы!

Сунь Цинфэн прошёл сквозь горнило сотен сражений, и его аура давила неподъёмным весом.

Стоило великому воину поддаться гневу, как присутствующих захлестнула волна удушающей, осязаемой угрозы. Даосы Хуашань, чьи чувства были обострены годами упорных тренировок, мгновенно почуяли приближение неминуемой смерти — зверя, готового разорвать их на куски.

Десятки надзирателей из коллегии, повинаясь инстинкту, с сухим шуршанием выхватили мечи из ножен. Обстановка накалилась до предела.

Цзинь Линьэр крепко ухватил брата за локоть и, отчаянно качая головой, зашептал:

— Брат, я верю тебе всем сердцем. Знаю, что ты не прикасался к Чжу Хуаню. Но даже если бы ты действительно убил его, я уверен, у тебя была бы на то веская причина. Прошу тебя, не злись, не надо...

Сунь Цинфэн моргнул, и гнев утих так же внезапно, как и поднялся. Тяжёлая аура рассеялась. Он небрежно бросил замершим старейшинам:

— Верьте во что хотите, но я повторю лишь раз: это не мои следы.

Затем он ласково потрепал юношу по голове и негромко добавил:

— Да ладно тебе, с чего мне сердиться?

Однако Сунь Чжаньмин, стоявший слишком близко, поддался панике. Оцепенев от ужаса перед удушающей аурой великого воина, он окончательно потерял разум. С диким воплем: «Чудовище, покажи своё истинное лицо!» он выхватил меч и бросился на Сунь Цинфэна.

Увидев, как сверкающая сталь несётся прямо на его брата, Цзинь Линьэр в испуге вскинул руку, пытаясь перехватить удар.

Но в спешке он не сумел соразмерить силы. Из его ладони вырвался мощный поток истинной энергии — инстинктивно применённый приём «Снежный журавль пронзает облака» из техники ладони Золотой тени. Невидимая волна со страшной силой швырнула Сунь Чжаньмина навзничь, протащив по полу, а сам Цзинь Линьэр легким движением двух пальцев переломил его закалённый стальной клинок пополам, словно сухую ветку.

По залу пронёсся вздох потрясения. Все застыли, не веря собственным глазам.

Сунь Чжаньмин, с трудом приподнявшись с пола и сплёвывая кровь, безумно расхохотался, указывая на сломанное оружие:

— Так я не ошибся... Ты и впрямь демон!

<http://bllate.org/book/18425/1865081>